

1193

р 310
1193

310
Ундольский

1193

Ф.310
М1193

№ 1193. "Игра детей пред отцем или
символические восторги..." - сборник при-
ветственных стихотворений, посвящен-
ных митрополиту Платону студента-
ми Свято-Троицкой лаврской семина-
рии. и преподнесенный ему в день его
тезоименитства.

1810 г. Рус., лат. (лл. 16-19об., 26-
-26об.), греч. (лл. 20-21об.), ев-
рейск. (л. 21об.), франц. (лл. 22-23об.),
нем. (лл. 24-25об.) языки. Писарской. 29 лл.
40,3 x 29,9. Переплет-картон, обтянутый шел-
ком. На л. 1 запись: "В библиотеку Троиц-

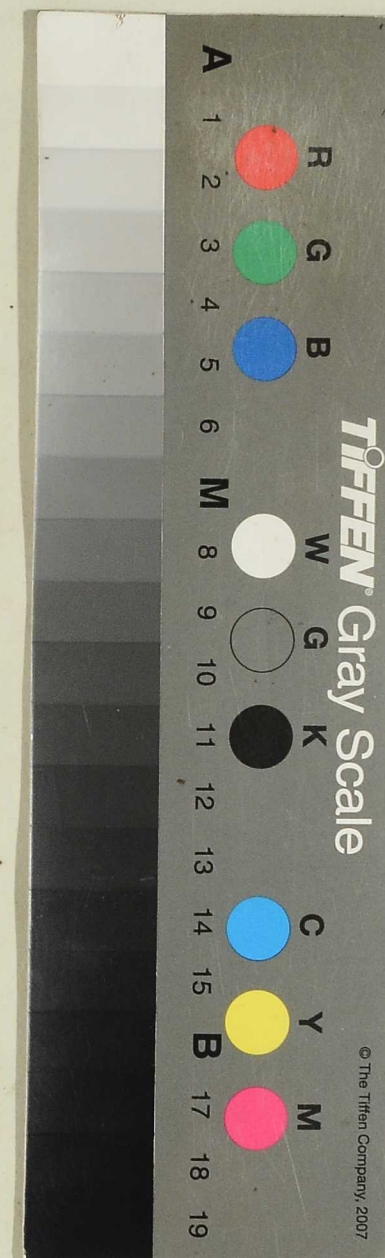
Ф.310
М1193

кой семинарии 1810 нояб. 22" (автограф?). На
л. 1об. автограф Платона.

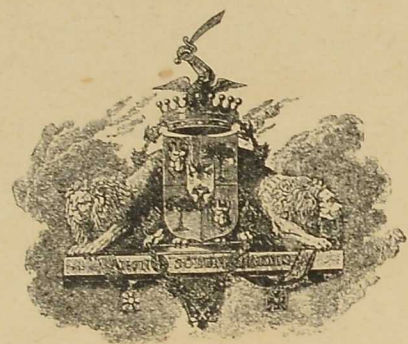
На лл. 3, 5об., 12, 16, 17 - заставки.

На лл. 11об., 15об., 25об., 29об. - кон-
цовки.

Большинство стихотворений подписа-
ны. Среди авторов: студ. богословия Васи-
лий Платонов, студенты философии Яков Плато-
нов, Иосиф Ключарев и др.

В Библиотеку Троицкой Семинарии
1810 нояб. 22

Московского Публичнаго
и Румянцовскаго Музеевъ

№ 1193.

Углицкаго.

Въ Библиотечу Троицкй Антарій —
1810 Нол. 22 —

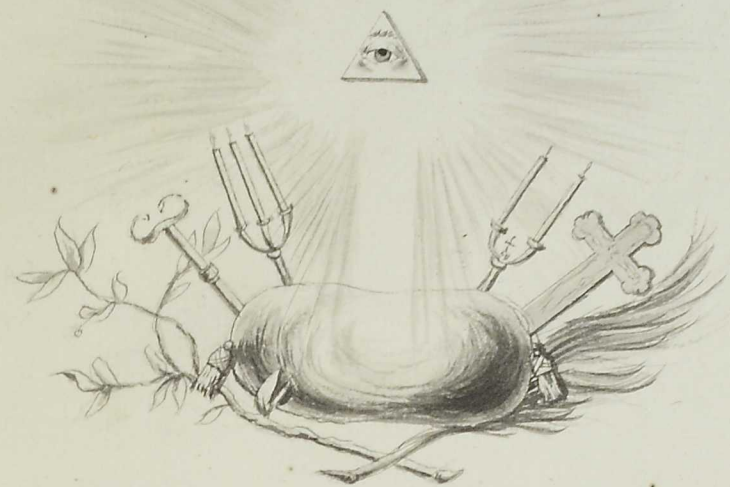

Благодарю —
Ваше М М

2
Нера
дѣтей предъ Отцемъ
или
Сыновіе восторги,
которыя
Святѣйшаго правительствующаго Синода
Члену
Великому Господину,
Высоко-преосвященнѣйшему
ПРАВИТЕЛЮ,
МИТРОПОЛИТУ
Московскому и Коломенскому,
Свято-троицкѣй Сергіевѣ Лаврѣ
Священно-архимандриту
Григоріево-Введенскаго Угличскаго Монастыря
ПРАЗНУ НАЧАЛЬНИКУ,
и разнѣхъ орденовъ
КАВАЛЕРУ,
въ день Пезоименитства
ЕГО ВЫСОКО-ПРЕОСВЯЩЕНСТВА,
съ искреннѣйшимъ усердіемъ изливаетъ
Свято-троицкая Лаврская Семинарія
1810го года, Ноября 18го дня

Превыспреннѣ душами до звѣздъ колоссы низки,
Достойны шлѣ въ сердцахъ народныхъ обелиски.

Держав.

Възкуйте гадъ Агнѣй крови!
Составте музы свѣтлый хоръ;
Наперсникъ вѣчна любви,
Другъ свѣта, Фебъ Парнасскихъ горъ,
Нашъ Пастыръ въ новый годъ вступается;
Нашъ жероитъ Богъ благословляетъ!

Отъ трона славы и щедротъ,
Солекшись въ Эфирны одады —
Небесныхъ отсветы красотъ,
Слетѣвъ, какъ ангели, надежды
Въ сердца гадъ вѣры нектаръ льютъ:
Сердца безбожныя мятутъ.

Совѣ нескосенъ полдень ясный;
Коварству — мудрыхъ взоръ орлиный;
Виновнику — судья безспрепятный;
Безвѣру — церкви вѣрный сынъ:
Но тщетно стирглы миръ сбрасаетъ;
Ихъ свистѣ Твой духъ не потрясаетъ.

Твой гласъ отесский лепитъ
Въ терпюги, въ хижины, во грады,
И всюду чудеса рождаетъ,
Неся и унесъ и отрадѣ:
Тамъ души живосты потрясая,
Здѣсь правда въ силу облеклася.

Корысть десницу удержала;
Враговъ своихъ лобзаетъ мечь,
И клевета не смѣетъ меча
Изъ адскихъ глубинъ изнести.
Изгнана дикость и беззаконство;
Возникла кротость и единство.

Текъ Мы, густавъ укрощая шумъ,
Средь общаго стихий волненія,
Непостижиму разность душъ
Смываемъ въ точку единенія:
Умовъ живыхъ стержни рога
Внушаемъ, что центръ ихъ есть — Богъ.

Цѣпь сихъ чудесныхъ измѣненій
Крѣпится дивнѣ Твоей;
Самъ Богъ, или небесный Теней,
Склонивши горный Емфирей,
Небесными Твой духъ лугами
Облекъ, чтобъ встать властвовать сердцами.

Мы щедрѣ, — и милостей струи
Дождимъ на утѣшенныхъ рокомъ;
Въ предѣлахъ дѣвнѣя земли,
Въ уединеніи глубокомъ,
Въ Твоихъ щедротныхъ жизнь тѣлитъ,
Не зная Меля, Меля поютъ.

Мы милосерды — и мирнымъ взоромъ
Пріемлемъ виннаго предъ судъ;
Его любезнымъ разговоромъ
На правой обращаешь путь:
И слезы берега гуржія,
Смываетъ лаской нравы злыя.

Смирены — и отвергаешь дань
Платиму гордости насыпкой;
И мысль, и слоготворну даешь
Простерши къ обѣности забытой,
Блескъ пыла въ тѣни за прахъ земной,
Великъ и знаменитъ душой!

Мы правосудны — и заслуги
Не уступаютъ мѣстамъ лести;
Не колеблемъ — вымоласей други
Къ Тебѣ препешутъ подойти:
Премудръ — концы Твои не лопыт;
Правдивъ — совѣты не преломны.

Зри, храмы истинны цвѣтущи
Твоей десницей насажденны,
Питомцы въ нихъ восторги пылоти,
Твоимъ призрѣньемъ окриленны;
Чтобъ воскресить таланты ихъ,
Даруешь пастырей благихъ.

Какъко солнцевъ мугезарныхъ
Извелъ Мы створъ освѣщанъ?
Къ Тебѣ предбудутъ благодарны
И Россѣ, и Вѣра — Россей мати.
Безвѣрія изсторгнуть жемло,
Плещи неба Норду дамо.

Съ ангелъ неба благодатный!
Отцерь наукъ и церкви другъ!
Не мирный гласъ лишь слуху вялый,
Мы нашь Тебѣ приносимъ духъ
Горящій пламенемъ деланій:
Еще еще да суждешъ съ нами.

МОИСЕЙ ПЕРВАЯ ПЕСНЯ.

Вдали отъ всехъ красотъ природы,
Въ пустынь сикой въковой
Стоитъ гора, передъ нею горы
Мелькаютъ въспроу стирей;
Главой до облакъ вознесенна
Корнями въ безднѣ углубленна.

Творя ея, ея хотѣла
Природа въ снѣгахъ отлечить;
Кремнистое дала ей тѣло,
Чтобъ время не могло истинить;
Чтобъ мачія не разразила,
Гранитамъ тѣло обрѣла.

Подъ Сезострисовой стѣпою
Потеряся некогда Имай;
Но вѣчно смертнаго ногою
Не оскверненъ Святый Синай.
Самъ Богъ творяи міры галамъ,
Самъ Богъ Синай избралъ престоломъ.

Поморено въ предвѣчномъ тѣмнѣ,
Остановивши скорый бѣгъ,
Чтобъ сталъ Израиль при Синаѣ;
И Богъ законъ ему изрекъ;
Приспѣло время — Богъ явился,
Синай во славу облачился.

Уже лепятъ пшеницы орини
Путь солнца вѣчнаго дуги; —
Уже Моисей необходимъ,
Прощедши воду, огонь, мети,
Ко гласу Божьихъ обѣщаній
Простеръ претензующа дани.

Се зрѣнѣ поднялся дымъ ебдая,
Сорвавшись съ сферы голубой;
На мощныя рамена Синая
Тустою облегенна мглою
Слепѣла, и главу священну
Одѣла пуга въ ризу терну.

Изъ устъ громовыя перуны,
И малый сыплется изъ оей;
Вдругъ загремѣли гласы трубны,
И раздался по сферѣ всей.—
Грань граней—малыя тѣмнѣли,
Стократно перуны извилѣся.

Ахъ! кто изобразитъ утѣшенѣ
Благоговѣннѣ, стирасхъ, любовъ,
Самъ Моисей весь тѣмнѣнѣнѣ?
Но въ немъ кипѣнѣ, тѣмъ стѣнѣнѣ кровь.
Народъ прѣнѣнѣнѣ—орѣдѣнѣ—
Грань Моисея призываетѣ.

Видѣлъ ли кто, когдабъ елени
На крутизну стѣнѣнѣнѣ горѣ;
На крылахъ густыхъ вѣнѣнѣнѣ
Такъ Моисей тогда былъ скорѣ.
И говоритѣ тѣмъ съ безпѣнѣнѣнѣ,
Земный есѣа былъ не небеснѣнѣ.

Малѣнѣ перуны, мѣла рѣнѣнѣнѣ,
Преобразуѣся въ яркѣнѣнѣнѣ;
Синай горѣнѣ—сѣдѣнѣнѣнѣ
Сокрѣнѣ въ мѣлахъ горы хрѣнѣнѣ.
Но тѣмъ, тѣмъ свѣтѣнѣнѣнѣ
Всѣ самѣнѣнѣнѣнѣнѣ.

Жерѣло самѣнѣ, и блистѣло;
Но, озарѣнѣнѣнѣнѣнѣнѣ,
Потѣнѣнѣнѣнѣнѣнѣ,
Зрѣнѣнѣнѣнѣнѣнѣнѣнѣ,
Тѣмъ свѣтѣнѣнѣнѣнѣнѣнѣнѣ
На херувѣмахъ Богѣнѣнѣнѣ.

Какъ солнце, въ морѣ отливаясь,
Себя изображаетъ въ немъ;
Свѣтъ въ Моисей отираясь,
Грѣхъ, просвѣщая своимъ лучемъ.
Глаза, какъ звѣзды, въ немъ горели,
Какъ угли, ланины пламенели.

Изрекъ Богъ наконецъ иеромъ,
Сей повторя всесильный гласъ,
На крыльяхъ въперенныхъ несомы
Въ одинъ по всей вселенной гасъ
Какъ макию вездѣ разлили;
Природы сердце проходили.

Изрекъ и на доскахъ кремнистыхъ
Десяти-лучного стругей
Узми ряды словъ ясныхъ, чистыхъ —
Свѣтъ благодати, любви своей.
Узми и мусоръ поругаетъ,
Да словомъ, жизнью подтверждается.

Вдругъ облако Синай обняло;
Слѣды румянились за нимъ. —
Изгнано небо праяснилось, —
И Моисей былъ людямъ зримъ;
Изъ устъ его сладкая мѣду
Струилась слова къ народу.

Но долги къ спранамъ далѣкимъ
Воображеніе! парить? —
Ахъ, долги къ таинствамъ высокимъ,
Медь косясь, себя помнить?
И духъ, и сердце пламенѣетъ;
Но мысль дерзаетъ, и рождается..

О новый Моисей! Ты съ Богомъ
Бесѣдуя предъ Сатиромъ, —
Тредъ сибъ таинственнымъ терпюгамъ,
Проникнуть Божескимъ огнемъ —
Не такъ ли мудростью сияетъ;
Не такъ ли церковь просвѣщается?

Ты же Церковь та изображаетъ
Священну гору, — Бога тронъ
Есть жертвенникъ, гдѣ принимаешь
Твой духъ святой его законъ.
Живи, о Пастырь вдохновенный!
Въ Тебѣ зримъ Бога — и мы спасены.

Сог. Ступ. Богомоуи Василій Платоновъ.

СВѢТЛОТВОРЦА

Когда еще вся тварь дремала
До бытія въ хаосной тьмѣ;
Когда пресудрость нагертала
Природы чудный глакъ въ умѣ;
Едва слагилъ художникъ міра
Всемогущее да будетъ рекъ:
И соитъ пласеніе среди Эфира
Незматенной стезей помыскъ; —
Храниа вещей взаимный строй,
Познало солнце гуты дневной.

9
Не такъ ли искра божества,
Мглы невещественнаго свѣта,
Духовный узникъ вещества,
Непобѣдимость въ пылые огня —
Не такъ ли человекъ умѣетъ
Свой міръ изъ хаоса родить?
Едва да будетъ рекъ уступитъ, —
И міръ искусственный творитъ;
Его хаосъ — воображеніе,
А міръ — ума произведение.

Малыишия вещей гаспицы
Соединенныя умомъ
Берутъ видъ новой единицы;
И средоточились въ одномъ.
Анемесъ мудрый, гудотворный
Изъ цѣлой связи вѣхъ вещей
Сбѣраетъ вещи разнородны;
И тонкой кистью своей
Смывая ихъ въ одинъ предметъ,
Искусствомъ удивляетъ свѣтъ.

Божественны дары искусства;
Но что въ нихъ красота цвѣтновъ? —
Прекрасный опытъ сихъ даровъ
Прекрасенъ лишь для зренья чувства.
Сравни искусственный портретъ
Съ простымъ жизнью естества;
Все дышетъ въ ней, или растетъ,
Или носитъ оплѣсскъ божества:
А въ краскахъ слабы цвѣтны
Лишь карупъ образъ красоты.

Въ нихъ мало не блистаетъ златомъ;
Трошечку перуны сятъ;
Не дышетъ роза ароматомъ;
Росы кристальны не блестятъ.
Скажите, кто изобразитъ
Горящій свѣтъ снѣжной лампады;
Или звѣздъ висящихъ мірады;
Или мрака ночи тоскный видъ;
Или гонимый бурей сонъ
Жизнящихъ тѣлой въ обѣднѣ вальс?

Какой Рафаель, или Апель,
Или другой художникъ дивный,
Въ фризическихъ чертахъ картины
Своею кистью умилавъ
Геройскій духъ изобразитъ;
И въ краскахъ вѣрнаго портрета
Духовнымъ образомъ разлитъ
Духовнаго оплѣсски свѣта? —
При вѣсахъ усмѣхъ искусства
Въ картинахъ нѣтъ ли всего чувства.

Другихъ безсмертіемъ вѣная,
Питавъ ли съ пламеннымъ умомъ,
Своимъ магическимъ перомъ
Дѣла Героевъ прославляя,
Силіе вѣхъ ихъ доброты
Искусно наертать умѣетъ?...
Держитъ ли острый умъ слабѣтъ
Въ изображеніи красотъ;
И огненный, Геройскій духъ
Въ словахъ Поэзіи потухъ.

Восбраженіе живо,
Какъ хаосъ, пороженъ представлятъ
Нагатики дѣлѣ великихъ симв;
Не кистью, не перомъ писаны.
Меряся въ своихъ мѣстахъ,
Возможно-ль въ краскахъ, или словахъ,
Съ такою-рѣ точно быстрой тою,
Съ какого востоду умъ паритъ,
Держа перо, или кисть рукою,
Свои понятія излить? —

Искусство! уступи природѣ
Велика своего огнецъ;
При полной разума свободѣ
Художникъ дивный не творецъ.
Природа мудрая въ твореньи!
Съя мощная кисть, или тѣ перо
Въ быстройискусвенномъ стремленіи
Изъ тѣмны существъ хотя одно
Съ твоего жизни начертанъ? —
Искусство не животворитъ.

Природа! только тѣе огня
Свое величье точно знаешь;
И истинный образъ твой сама
Въ самой себѣ изображаешь.
И мнѣ ли робкою рукою
Водить возможно за тобою?
Возможно-ль начертать перомъ
Платонъ! души твоей геройство? —
Оно есть ангельское свойство
Рожденное въ Тебѣ Христомъ.

Въ наружныхъ можно ли гертахъ
Великій триъ представить живо,
Столь образованный щастливо
Въ неподражаемыхъ дѣлахъ? —
Мерцвѣтъ резвой кисти смелость.
Тѣе духъ, какъ сильный огонь, сквозь брѣвность
Для тысячи людей горитъ;
Или, какъ малѣе разитъ
Сердца, или людей жестокихъ,
Проникнувъ въ мысли ихъ глубокі;

Богоподобныхъ есть дѣланій
 Необозримый виденъ кругъ ...
 Пусть! оставь игру мѣстани;
 Сего твоей не объемлетъ духъ:
 Но в мѣсто опытовъ искусства,
 Довольно лишь сыновни чувства
 Хранить къ Отцу въ души своей.
 ПЛАТОНЪ! прости мнѣ я немою,
 Не могши кистию своею,
 И тѣни наертмать Твоей!

Соч. философии студ. Яковъ Платоновъ.

Съверное сіаніе.

Сопла Октябрьскаго нощъ на землю
 И се природу кракъ густой,
 Какъ риза нѣкая объемлетъ;
 Низводитъ урасы съ собой.
 Покрѣся тмного сводъ небесъ;—
 Азурный тверди видъ изтезъ.

Въ пустыняхъ дикихъ, отдаленныхъ,
 Дренушихъ посреди лѣсовъ,
 Вниная скрытъ деревъ дебѣлымъ,
 Свистѣ ветровъ и стечанье совъ,
 Слезъ рѣки ободный спиражникъ лѣнѣ—
 Неспокій аробій свой клянетъ.

Подбегая мышцу изнуренну,
Ища жезлом своимъ пути,
Сквозь тщи мраки, меду сущенну,
Не познаетъ, куда итти: —
И враны возбужденны имъ
Страхъ множатъ шорохамъ своимъ.

При кажомъ шаге, въ мрачну бездну,
Иль хляби въ зевъ, страшась ниспастъ,
Подбегаетъ къ небу отъ слезны,
Чтобъ свѣта искру тамъ сыскать:
Но небо грозный кажетъ видъ —
Миръ звездный въ муть густой сокрытъ.

Но вдругъ какой отъ странъ полныхъ
Возникъ необычайный свѣтъ?
Какъ длинный рядъ зарей восточныхъ
Слившися, радуетъ яркий блескъ;
Или горятъ громады льдовъ,
Иль искры стѣнныхъ стоговъ,

13
Совокупляясь въ кругъ единый,
Край неба заревомъ покрыви?

Или ревущіе васы
На вѣсно-лѣдномъ бурномъ морѣ
Отъ свиста вихрей, въ мутномъ спорѣ
Огнь возбудили изъ воды,
Иль въ воздухъ холодный паръ
Средь лѣдныхъ горъ родихъ пансаръ?

Отъ стѣвернаго огнемѣта
Хреститъ рѣдкими мрачныхъ тучъ, —
И, какъ порфираго огнѣго
Сребристой, небо-ясный лучъ
На, мрачны дебри низпустило,
Пути блудящимъ осветило. —

Заслудшій больше не блудаетъ,
И не клянетъ своей судьбы:
Но, съ умиленіемъ взирая,
На тую тѣнь стѣверной страны,
Горитъ гдѣ въ полнотѣ рядъ зарей,
Благодаритъ Царя Царей.

Не часто въ міръ такъ духовно
Несётъ, какъ сонми пуга,
При вихрѣ волнудумствъ тлѣтворномъ,
Скрываютъ вторы ясный лугъ:—
И вскорѣ Церкви юный сынъ
Бурноаесть по путямъ инымъ!

Порогный міръ ведетъ къ пороку;
Тма вѣчная — его законъ.
Но се! отъ стѣверѣхъ востоку
Горитъ густѣйшій вторы огнь —
Святѣйшая любовь къ Христу
Безбоя гонимъ темноту.
Замурданный тѣмъ свой путь познаетъ,
И такъ крестъ освобождаетъ.

Въ стѣранахъ народы отдаленныхъ,
Явленъ светозарнымъ сѣмъ
Какъ нѣкимъ трудомъ удивлены,
Сынамъ и внучатамъ своимъ
На стѣверѣ перстѣмъ указуютъ —
Тѣся, о Пастырь! именуемо
Сѣмъ стѣверныхъ зарей —
Во светѣ изъ тѣмъ воедемъ людѣмъ.

Пастырь! Твой светѣ ихъ изумляетъ,
А насъ живитъ и согрѣшаетъ;
Мы восхищаемъ ихъ умъ;
А въ насъ любовь лѣтъ молвы
Къ Тѣбѣ, о светѣ любви Христовой!
Еще, еще светѣ для насъ,
Чтобъ на землѣ сей светѣ небесный не погасъ,
Богъ Светловъ дѣмъ Твоимъ вѣщаетъ сѣмъ новой...
Сочинѣнъ философомъ Стуръ: Іосифъ Китаревъ.

ПЕЧАТЬ.

Средь рощей тѣмъ-моновыхъ тѣмъ-астныхъ
Долина златая цвѣтетъ,
Въ кругу лилей и розъ душистыхъ;
Въ ней дышетъ все, и все живетъ,
Водой ли жизни напоено,
Иль нѣкимъ чувствомъ оживлено.

Тамъ вѣчно царствуетъ весна
Менеду златыми временами;
Блосенная сія страна
Всегда подъ теплыми лучами;
Не мая скуки никакой
Посіютъ радость и покой.

Тамъ флора щедрого рукою
Разсыпала вездѣ цвѣты;
Фиалки, розы медъ правотою
Сугубитъ плетени красоты,
Блестя румянцами своими,
Какъ нимфы перлами драгими.

Тамъ нѣдкий громкій саровей
Вампешны разсыпаетъ перлы,
Сидя средъ мауровыхъ вѣтвей:
Какъ бы на Пяковой свирѣли,
Въ пространствѣ рощей онъ поетъ,
Мѣстамъ безмолвнымъ жизнь даетъ.

Среди прекрасной сей долины
Влекутся хистыя струи;
Въ нихъ смотрятся нарциссы, кринны,
Влюблены въ прелѣсти свои;
Въ низу песокъ златой играетъ,
Богатства Мидски представляетъ.

15
Сравоній кроткій какъ дождень,
Кристалломъ заструяется воды;
Какъ фреобъ на высоту взойдетъ
Въ тасы весеннія погоды,
Съ тѣхъ пламенныхъ его лучей
Горящимъ кадется ругей.

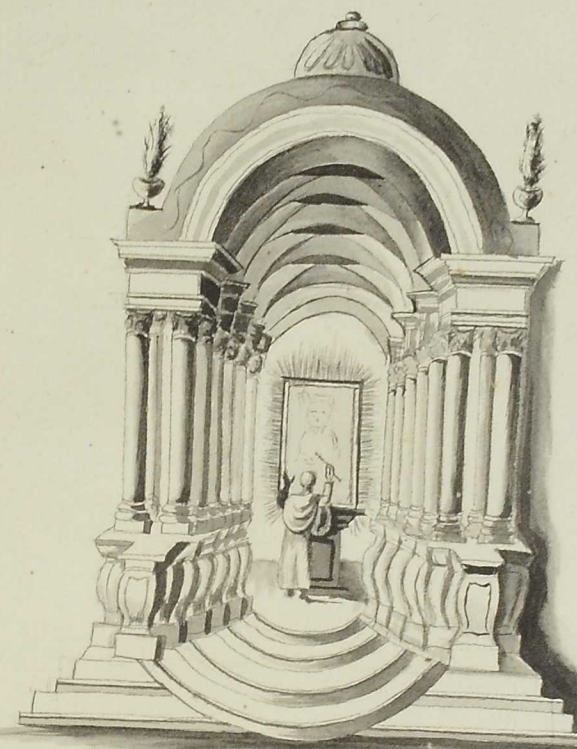
Для вѣхъ течетъ струя златая,
Всѣмъ жизнь, вѣсѣмъ радость, вѣсѣмъ покой;
Далны златны иппусная,
Не истощается водою:
Ланъ смѣло горы теростѣаетъ,
И здрѣс огонь сажены погашаетъ.

А тамъ кедровыя алеи,
Дубравы тѣмныя стоятъ,
Не браны, пишины тиробрен,
Съ тѣхъ бурныхъ вѣтровъ не шумятъ;
Имъ пѣтѣе чудотворны воды.
Благотворятъ нескетны годы.

Твои, твои, ругей чудесный!
Меонскій старецъ воды тѣмъ,
Который хистно тѣлѣтеной
Дарданску бранъ изобразилъ:
Твои питательныя струи
Живили тѣлѣтѣя мои.

Подобой певецъ и Мантуанскій,
 Подобой поенъ Анакреонъ;
 Отжуду и Маронъ Бриттанскій,
 У славный Галли Назонъ
 Соплны похсртали воды
 Путь радости, путь дни свободы?
 Бездѣльныя слава испогасишь,
 Ты, животворная струя;
 Кого въ себѣ изображаешь,
 Соплано вотьхъ подобой тоя?
 Въ тебѣ Россійской Саламонъ,
 Въ тебѣ изображенъ ПЛАТОНЪ.

сочинилъ Ритт. усеникъъ Василій Романовскій.

VERSI.

Festa dies venit: sint ora sonantia nobis,
 Ut festam possint hanc celebrare diem.
 Praesulis ecce nova in vestigia volvitur annus.
 Phoebæ fave: res est digna favore tuo.
 Vos quoque Pierides, Satrem, qui fonte perenni
 Christiadum sacris pectora rorat aquis,
 Laudibus ad coelum [laus est] attollite dignis,
 Si possunt homines laude referre deos.
 Nec tua, sed fateor, resonans lyra, Pynclure, digna est,
 Nec tua, Moonicles, hunc celebrare virum

Syndarus ipse sibi, PLATO, Moonidesque cœnorus
 Et Væctum præses, solus Apollo sibi est.
 Quis PLATO Te tandem poterit depingere nobis,
 Cum Fuit facta satis dicere nemo queat?
 I, quem fastus habet, pictorum præses Apelles;
 Pinget viri faciem, pectora pinget viri.
 Pinget virum, in cuius depicta modestia fronte
 Regnat, et in niveo fratia corde sedet.
 Pinget virum, cuius velut imbres, munera larga
 Dextera diffundit, parperiemque levat.
 Pinget vel abde tuas, pictorum magnæ, colores,
 Nam superat vires ars operosa tuas.
 Ars tua mortalis; non est mortale, quod cardes;
 Diuos Diuorum cuncta colorque decet.
 Summe PATER, quem nemo potest celebrare, nec ullus
 Pingere, iam melius Te pia corda canent.
 Viue diu: hæc cupiunt a Te nam coetera sumes;
 Sint moxto virtuti tempora longa Fuit.

Jecit Theolog. Russ. Theodorus Bogossouxi.

RAPES.

Prominet in Pontum cuneatus acumine longo
 Mons, utrumque latus salsis circumdatur undis
 Surgitis immensi; tumidum quæ vergit ad æquor;
 Grande supercilium montis scabrique minantur
 In cœlum scopuli, quorum sub vertice lato
 Æquora tuta silent. facies hirsuta deorsum,
 Adstrictis veluti pendentibus undique saxis,
 Despicit, et tacitis dum se speculatur in undis:
 Quam gestat faciem, faciem miratur eandem.

Mersæ contra species quam partis amoena
 Servatur scopulis! nam silvis scena coruscis
 Insuper, et nemoris felix expanditur umbra,
 Undique molle siler surgunt lentæque genistæ,
 Populus et glaucæ carentia fronde salicæ.
 Hinc molles foliis texunt umbracula viles,

Et sua maturis incumbunt praela racemis.
Hic liquietas volucres pressò ter gutture voces,
Aut quater ingeminant; et saepe cubilibus altis,
Nescio quàm praeter solitum dulcedine laeti,
Aut frondes quatiant alis; foliis ue teguntur
Sub fagi patulis ludunt nil triste timentes.
Illic grex apium foecundo immurmurat arvo—
Parsque thymum capiunt, pars fortior arbuda libant,
Et glaucas salices, casiam que, crocum que rubentem,
Quos inter latitare solent crescentiae fraga.
Interea nivei tondent dumeta juvenci,
Et cythrae pastae distendant vbera vaccae;
Hic saturae caprae saltuant, balans pecus illic,
Securus quorum custos innixus oliuae
Tales ceratâ modulatur arundine cantus:
„Pan Deus, an alius nobis haec otia fecit—
„Pana cano, Numen nulli deumve secundum:
„Sors etenim melior nostrâ non fingitur ulla.“

Incipit interea tumidis albescere Pontus
Fluctibus, et praeceps spirare valentius Auster,
Horrida bella gerunt venti, vetut agmine facto
Turbinibusque crebris culmen glomerantur in unum;
Frassati que ruunt silicem conslernere fundum—

19
Ac simul anfractus curvos flexusque cavatos
Irrumpunt: horrenda boant, reboantque fremuntque
Frustrantur tamen, et scopulis franguntur acutis.
Hinc celer insequitur cumulo praeruptus aquae mons,
Fertque minas coelis; ruit ast. hinc undae dehiscens
Terram inter fluctus aperit rupisque subesa
Littora: saxa subinde sonant oppressa volutò
Sedibus ex imis pelagò non rupe minores
Undarum montes iterum... caesiso putares
Ictibus ingentem molem sedesque perennes:
Ast immola manet, saevio quatientibus undis,
Pondere nixa suo Rapes; nec spumea circum
Saxa tremunt, sed tot elerident aequoris iras.
Quae fuit, est eadem pecoris, pecorisque magistri
Tuta quies, idem volucrum concentus in agris;
Nec apium est mistus lenis placidusque susurrus.

Acrius ast reboent venti, grassentur iniqui
Fluctus, et resonent explosa tonitrua coelis—
Fulminis ingeminent abruptis nubibus ignes:
Nos, ut aper scopulis tectae, dulcissima mella
Carpimus ex studiis, vitisque rubentis ad instar
Sub Il vernamus, Plato! sic oviumque magistri
Christiadum, et pecus omne tuum laetantur ovantque.

Tutius est rupe, et scopulis est firmitus alti
Munimen coeli, seruas quo Teque Tuasque.
Non igitur sæculi vitium, non livor iniquus
Te Divum laedit, non vexat inertior ætas.
Hæc medius senio iuvenis cœu integer ævi.

Sic, mirande Senex, spes o fidissima nostri!
Sic senibus coram pueri: nos, dicimus, esse
„Felices, quorum Deus in Te vota secundat,
„Conservatque Fili vitam, ut servemur alumni.“
Fecit Philof. Aud. Nestor Archangelski.

ICARUS.

Icarus exorsu tenebras, et vincula ferri,
Acæthericæque domus, ardente cupidine tactus,
Possideat terras non possidet æra Minas;
Restat iter coeleste, pater, tentabimus, inquit.
Protinus exarsit, nec tempora distulit artis.
(Casibus ingenium subitis mirabile quantum est)
Nec morâ: fervet opus: novus est max Icarus ales:
Max se tollit humo, motâque pependit in ævra:
Insolitum sibi coepit iter volat arte superbus—
Tendit ad æstra, solam non vult spectare relictum.

19
Non altum subeunt carcer, non vincula, nec rex;
Nec paret monitis, ut sit demissior æstris;
Sed magis audaci coepit gaudere volatu.
Regia solis adest, puerum Phætona memento,
Regia solis adest, rapida est vicinia Phœbi.
Icare! non tutum est molli confidere ceræ.
Protinus Alipedem cepit cum nomine Pontus;
Daedaliidem miserum litlus scopulique reclamant.
Forsitan hæc pueri puerum me facta sequentur.
Non humeris ceras ignotis adligo flauas;
Sed ratis infirmæ permisi carbasa ventis:
Scilicet imprudens gracili modulante Phœbiæ
Nomina suscipio magni celebrare LATONIS.
Ecquid agis? Mihi Moconides, mihi numina montis
Lævricorni risu, clivâ sunt ore locuti:
An nescis, iuga Parnassi resonare LATONEM?
Cur tua nominibus cum summis nomina consens?
Quodque Dei citharâ dignum est, modularis avena?
Ingenium torrens coeptis vix sufficit istis.
Sed licet exilis, rudis incultus que puellus;
Sed placeo, cui cuncta placent simplicia, Patri.
Fistula sit simplex sinceræ mente colenti,
Summe PATER, mihi sis placidus, votisque faveto.
Fecit Rhetor. Discip. Helias Bokojaulensi.

Epigrammata.

Coelicolum celebrat, qui vult celebrare *PLACIDEM*:

Coelisenum est spectus, quod *TULLI* facta refert.

fec. Poëtas discip. Nicolaus Popov.

Quis servatur honas, qui *SE* noruntque, canuntque?

Factorum cultor quae colit, ipse facit.

fec. Rhet. discip. Theodorus Ternooussi.

Одинъ Адамовъ грѣхъ, лишаетъ жизни благо;
А кто живетъ въ Христѣ, тогдѣ смерти не страшится:
Живетъ Адамъ самъ въ себѣ, живетъ въ другихъ душахъ
Живетъ Адамъ во Христѣ, Адамъ живъ въ вѣкъ продлитъ.

соч. Римо. Великъ Профимъ Платоновъ.

Преисходство древности есть гордый срамъ.

Блескъ лишь въ миръ сямъ, и въ вѣстивахъ утопаетъ:

Небесной мудрости есть образецъ *ПЛАТОНЪ*:

Миръ не вредитъ ему; а только возвышаетъ.

соч. Поэтии устн. Иванъ Мухаревъ.

Что пѣсни, дѣтскія, Отенъ! передъ *ПРОБОВЪ*?

Пылики иня, въ день сажетный, зимою.

соч. Поэтии устн. Василии Акиманскій.

Accipe Diue, *PLACID!* servatos frigore flores!

Accipis? — O iam poma ferent pueri Tibi: — contra?

Naturam expellas furca tamen usque recurret.

fec. Poëtas discip. Johannes Cosatkin.

ΜΕΛΟΣ

Ἦμεῖς ἐσε τοῦ γῶς τοῦ κόσμου,

ἔπειρ ὁ τοῖς αὐτοῦ μαθηταῖς Χρῖστος.

Τί γοῦν εἶπας, νῦν κασορῶν Μεγὰν Ἀνδρὰ τε δειόν;

Πῶς τε λαλῶ μικρὸς, δεῖα λαλεῖν ἀπερὸς;

Καὶ δὴ γλῶσσαν ἐδῆσα, καὶ ὄνασι μῶρον ἔδωκα.

Ἄλλ' ἀγαθῶν γονέας πάντα λαλεῖ γονέειν.

ὦ Πάτερ! εἰσαίσις καὶ δέχνοιο ρηματ' ἐμοῖο.

Θεοζῶμι' ἐκείνο μόνον· εἰς γὰρ, εἴπε Θεός.

Κόσμος ἐσάνμασεν ἔργα, λόγους Μεγίστων Βασιλείων.

Κόσμος ἔωρα σοφόν, κόσμος ἔλαμψε σοφός.

Θεὲ Πλατῶν, βροτέων τε βροτῶν ἀντιθέτατε πάντα!

Πάντ' ἔλαβες καὶ Σὺ, ἄδε Θεοῦ γῆλοι.

Ἀγγελῶν ἀρεκίης ἐριχέα, ὅρμα φαινόν

Χριστιανῶς Σε καλεῖ ἡμετέρη γερῆ.

Ἐν μὲν εἰαίροις λαμπροῖς, ὡς ἐν ἀστέρι βήνη,

ἔταρ ἐν ἐλπίδι, ἐν δὲ γυλῶσι ῥόδον.

ἔς Μεγας, εἰς Σὺ σοφός· μόνος γὰρ ἴσον ἐγνηας

Καὶ βίολον μῦσεα, καὶ βιολὴν ῥοδον.

Ἐνθεον Ἡσάας, ἰούων δὲ λόγουισιν ἔηκες.
ἔστι λέων, ἀμύων. παρὰ λέων ἔστι ἐρις.
ἔστι λόγος Σὺν ἑορτή, ἀσερῶν δὲ βίον.
Ἄσπερα ἐγγείρεται, Ἄσπερα ἔχει ἀκοάς.
Καί, εἰ ἡς πάλαν διδάσκει μέγαν ἔχει ἑαυτοί,
Τούτων ἔχει πλείον, — καὶ γένος οὐκ ἐπεί.
Πέτελε γόνυ τὰνδρος πρὸς τοσσεῖ Μένου Βασιλείου.
Κεῖνος ἔχει σοφίην, Οὐρανὸν ἐστὶ Θεῶν.
Ἦν δὲ παρὸς γένος ἐς οὐρανὸν ἐπὶ λαοῖσιν
Ἰσχυρίης Ἰακώβ ἡμέτερος προπάλαρ
Κήρυκα, ἡν δ' ἀνιὼν Σὺ Πάτερ. κασορῶς Θεὸν ἀνιὼν,
Ἄνθρωπος ἀπὸ κσορίων ἔχει ἀνιστάμενος.
ἔχον διὰ ἑορτῶν καὶ οὐρανίου βίονιο,
ἔχον διὰ μετῶν τινέματι δαυδομένον.
εἰ δὲ κακοὶ κελεύουσιν λόγοι, δὲ δὲ γάργυρον, αἶ, αἶ,
Τὶς πῆζει μετὰ τὴν πορογόνα παλάμη;
Τὶς δὲ τόσῳ τανκύνῳ καὶ ἐνδερέεσσιν λόγοισιν,
Ἀνδράσιν ἐπείων διμὸν ἀποκεσάσει;

21
Οὐαὶ Θεοῖο ἔχει, Πηλῶν. ὅς ὅλα ἀνέχεται νικημένης.
Χρῖσὸν ἔχει κεφάλῃ, Χρῖσὸν ἔχει κεφάλῃ.
Τρέχετε ἐνθεῖνης ἀνδρῶν πρὸς Μεγαν Ἀνδρα.
Τὸς, παρὲς ἑορτῶν, τοῖς δὲ δίδωσι γὰρ.
Τούτων ἔστι τινέματι ἐπὶ κσορῇ, πάντα δὲ Χρῖσῳ
Δώκας ἄνθρωπον, ψυχὴν, σῶμα, λόγον, παλάμη.
Σοὶ δὲ Θεὸς οὐάσει, ὅς ἐνθεῖνης οὐάσει.
Τρέψα ἔστι ἐβίον ἐνθεῖνης ἐπὶ γῆς.
Ἄνθρωπε μὲν οὖς κελεύει, Πάτερ. τινέματι, διὰ κσορῶς
Ἄσπερα ἀνέχεται πάλαν ἰσχυρίης,
Ἰσχυρίης κελεύει, ὅς ἡμέρος ἐν γάργυρῳ
Δινέων. ὅσῳ γάργυρῳ πάλαν.
Πολλὰ μὲν ἐνθεῖνης παιδένματι τοῖς οὐάσει.
Πολλὰ δ' ἔδωκας λέωνι, λέωνι κελεύει ἔστι.
Ἄνθρωπε μὲν οὖς κελεύει, Πάτερ. τινέματι, διὰ κσορῶς
Πρεσβυτέρων, λέωνι, ἀποδάσκει καὶ σοφῶν.
Ἦν, Τέρον. ὅς καὶ Τηρῶν Σέτο ὁδοῖ κελεύει.
ἔστι βίον ἀνιὼν, ἔστι δίδωσι ἀνιὼν.

Ταῦτα ποιοῦμεν αἰε', γέγονε θεοῖο δὲ γῆρας,

ἔς αἰδού νεότης, ταῦτα λαλοῦμεν αἰε'.

Δέξαι γοῦν φιλολέκην· ὑπὸ λέναν σέμνα δ' αἶδων,

Οὐκ ἄλλος ὁμοῖς μακρὰ χαριζόμενος.

Συγγινώσκε, Πάτερ· Σ' ὅδ' αἶδω λέναν ἐλάχιστος·

Ἐλπία καὶ σῆβε, καὶ τοι αἰεὶ λελύξ.

Ἐπιδύσσε δ' ἡ δειλότης· φιλολέκην δὲ σέμνα λέναν.

ברוך יהוה אבינו:

זה היום אשר צוה בו יהוה את הכהנים
ובחסדו אלה וגם ארענו קי-היום אשר יהוה ליתן
את-המסר הגדול קתרו כדק-ע: אשר יהי צוה ויעמד:
וירח אורה ארענו ופרח כמקד צדק ורוב שלום:
גם-עצתה יאסד להציע נורד:

Nouvelle scène du monde.

Amable fille des cieux, sainte et pure foi,
Embrasses mon amie, soumise à ta loi,
Rends, que mon oreille s'accoutume à t'entendre,
C'est à toi d'annoncer ce que je dois apprendre,
Répands la lumière la clarté sur mes vers,
Dis comment tes rayons éclaireront l'univers.
Plongés dans la nuit de l'ignorance profonde,
Oublierent leur Dieu les habitans du monde:
La justice dans leurs mains perdit la valeur,
La loi, la conscience restèrent sans honneur;
La fraude, la seduction, la fausse politique,
Étendans par tout le pouvoir despotique,
Aux cruautés funestes permirent un libre cours,
D'opprimer l'innocence sans soutien sans secours.

Au comble enfin de ces maux redoutables,
La terre n'adoroit que des dieux impitoyables,
Les pretres tous menteurs encore plus inhumains
Versoient sur les autels le sang des humains,
Leurs mains scelerates offroient sacrifice,
Que du Dieu puisant meprisoit la justice.
Les monstres infernaux, la crainte et l'horreur
Suivans de pres des hommes, jouets de l'erreur,
De noble pieté détruisent la race,
De la terre, sembloient, changer la surface.
Dans ce tems affreux, le Dieu de l'univers,
Qui vole sur les vents, qui soulève les mers,
Ce Dieu, dont la sagesse ineffable et profonde,
Forme, eleve et détruit les empires du monde,
De son trone enflammé, qui luit au haut des cieux,
Sur le monde idolâtre daigna baisser les yeux,
Et plein de pitié envers ses nobles creatures,
Offrans des sacrifices souillées impures,
Il fit sur la terre descendre la foi,

23.
D'éclairer les mortels par conseil par loi.
Des cieux en moment elle traverse la carrière,
Va d'y étendre l'éclat la lumière.
Tels on voit dans la nuit la foudre et les éclairs,
Courir d'un pôle à l'autre et diviser les airs.
Douce bienfaisante, si long tems attendue,
Toujours chère aux humains, mais souvent inconnue
A cause de sa demeure ordinaire dans les cieux,
D'abord un voile épais la couvre à tous les yeux,
De moment en moment les ombres qui la couvrent,
Cèdent à la clarté des feux qui les entr'ouvrent,
Bientôt elle se montre à l'homme criminel,
Et découvre à lui le conseil de l'éternel :
„ A ta faible raison, garde-toi de te rendre,
„ Dieu t'a fait pour l'aimer, et non pour le comprendre.
„ Invisible à tes yeux, qu'il règne dans ton cœur,
„ Il confonde l'injustice, il pardonne à l'erreur,
„ Mais il punit aussi toute erreur volontaire,
„ Mortel, ouvre les yeux quand le soleil t'éclaire.

Aux magiques accents du discours prononcé,
 Dans la loi divine tout demeure s'enfoncé:
 L'homme, dont le cœur étoit formé pour elle,
 Voit, connoît, aime enfin sa lumière immortelle,
 Du destin malheureux pour détourner les coups,
 Devant le trône de Dieu, il fléchit ses genoux.
 Son cœur obéissant se soumet s'abandonne,
 Aux mystères profonds, dont son esprit s'étonne.
 O Foi, dont l'ame prosternante aux pieds des autels,
 Penètre de la sagesse les conseils éternels,
 Platon! si le ciel des dons inépuisable,
 Ton cœur à orné d'une foi mébranlable,
 Conduisante les mortels au véritable bonheur,
 Pardonne à mon audace, pardonne à l'ardeur
 D'avoir ici retracé ton image....
 Je fis de tes vertus un nouvel assemblage.—

Étudient en théol Basile Platonos.

Lehrvortrag

Gelobet sey vom Vrennenwiel,
 Von allem, was wir für Brauch
 Das Höchste Mann, wir vom Himmel
 Das Wissen Lehrstunde ist!

Der Weisheit Welt! — mit hohen Wissen
 Begibt sich nun in unser Busen,
 Füllt uns als unser Wissen
 Nimmt, Reine, Substanz an!

Was wir willig, wie Wissen,
 Gesetzt, ist die Harmonie...
 Was wir willig, wie Wissen,
 Dann ist die Welt, das ist die Welt.

Kein Wunsch soll mehr, als möglich, werden -
Mit dir, wie alle Lust uns misst
Mit unserm Wunsch, wie unsern Gedanken
Dreierlei, dreierlei, dreierlei.

Mit Küssen, Lächeln, dem Glanz umgeben,
Kommt dir die reine Lust.
Küß, wie ein Kind, die Tränen ab, wie ein
So oft die Wundertat dich.

Wie Lust, die die Welt umgibt,
So wenig, die uns die Lust bringt.
Nur, wenn wir die Sonne sehen
Nur, wenn wir die Sonne sehen.

Die Lust, die uns die Lust bringt,
Die Lust, die uns die Lust bringt,
Die Lust, die uns die Lust bringt,
Die Lust, die uns die Lust bringt.

Der Lust, die uns die Lust bringt,
Der Lust, die uns die Lust bringt,
Der Lust, die uns die Lust bringt,
Der Lust, die uns die Lust bringt.

Der Lust, die uns die Lust bringt,
Der Lust, die uns die Lust bringt,
Der Lust, die uns die Lust bringt,
Der Lust, die uns die Lust bringt.

Der Lust, die uns die Lust bringt,
Der Lust, die uns die Lust bringt,
Der Lust, die uns die Lust bringt,
Der Lust, die uns die Lust bringt.

Der Lust, die uns die Lust bringt,
Der Lust, die uns die Lust bringt,
Der Lust, die uns die Lust bringt,
Der Lust, die uns die Lust bringt.

Weg, & Plut, mirrer Künst, seit,

Der ist sein Lob mit Wort besetzt. —

Der sehet den in schwarze Kunst seit

Anungemessen, nicht geschetzt.

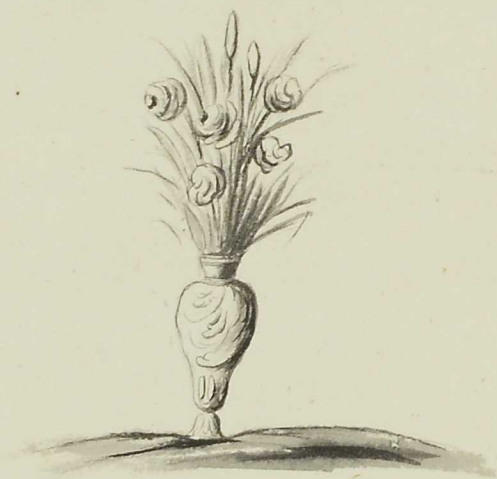
Nur eine That die das ist;

Sieht Kunst, denn zu einem Kunst!

Der steht allein, soll mich Saloban —

Sie ist eine Kunst, nicht wie ein Kunst.

Wennt der die Philosophie der Kunst.

DE.

Lucet, et falsos veteris Mineruae

Deprimit fastus, radians perenni

Luce, mirandum boreale sidus —

Verus Apollo.

Ut micent vermes tenebris in altis;

Non viam monstrant: micuere Graeci

Et Plato et Zeno, Socratesque clarus

Nil meruere.

Nam nouas priscis tenebras tenebris

Miscuere, atti scario uolatu.

Proh duces coecos! quid enim superbit

Lumine cassas?

Luminum e centro venit omne lumen —

Inde coelestes mutuatus ignes

Lucet, et lustrat radio perenni

Notus Apollo.

Adluence quondam stupefacti, ab eius

Ore pendebant oculis que, et uncte

Tanta quaerebant homini caduco

Gratia visque?

Unde vis tanta est animas penetrans?
Unde libertas docuisse reges—
Sempe non cernunt animo *PEROSIS*
Numen inesse?

Cernimus Numen; venerande *PASTOR!*
Voce dum solâ cohibes gigantes—
Impiam turbam, cupiectam rapinae,
Lucifugamque.

Cernimus Numen; senio gravatus
Dum Tibi pacem et requiem recusas;
Vel bono nostro coqueris, uel almae
Religionis.

Vivis insignis meritis et annis,
Sed brevis votis Tua vita nostris
Utinam possit serie recenti
Surgere in aevum!

Vive Musarum columen jubarque,
Vive solamen miseris et orbis,
O decus terrae, superis Deorum
Fratus et imis!

fecit Theolog. Audiosus Theodorus Cunjacov.

Безумная ревность Пшма.

Съ улыбкой такой на устахъ,
Съ весельемъ, шепталь въ сердцахъ чувствомъ,
Со звукомъ лирою въ рукахъ,
Богаты въ выдумкахъ искусствомъ
Певцы громкихъ, славныхъ дѣлъ—
Хоръ музъ представъ предъ Апполона
Съ благоговѣніемъ рекли:
Меланьямъ гадъ пивохъ вниманіи
О Богъ! о Солнце Теликона!

Отъ дальнихъ створныхъ предѣловъ
Пришедши къ намъ, въ словахъ несильный,
Но сердца чувствіемъ обильный—
Пшма не дастъ покоя намъ.

Улыли вы на громкой лиро
Воспитаны великіе въ порфирѣ;
Улыли возвестъ безсмертныя въ храмъ
Мудрей великихъ, незабвенныхъ;
Улыли славой цвѣтущей
Героевъ дивныхъ, несравненныхъ;
Улылите образъ наертмативъ

Того, кто мира удаленный,
Живый во сиянии божества,
Небесной славой озаренный
Превысил смертность естества:

Представьте, что подъ свечкою
Онъ былъ все тонъ, все бодръ собою;
И, что подъ его священный санъ,
Его былъ славой осиянъ;
Что подъ глазъ его былъ глазъ граиовый,
Но гранъ что подъ душу возхищавъ;
Что подъ взоръ пріятный, несуровый.
И умъ, и сердце привлекавъ;
Изъ устъ его лилась бы сладость,
И напояла бы востхъ сердца;
Стигала бы дивная радость
Отъ светозарнаго лица.

Мелко пыль какъ буйный мѣрь, смятенный
Волнуется, шумитъ, кипитъ:
Онъ свыше миромъ упоенный
Въ рукъ своей держалъ бы шипъ;
Спирающій китливый рогъ
Надъ нимъ простеръ бы шипъ самъ Богъ!

Изобразите мнѣ въ картинахъ,
Въ огарованельныхъ термахъ,

Какъ въ дикой мрачной оль пустынь,
Въ унылыхъ и сухихъ мѣстахъ,
Лишь бросилъ взоръ — и свѣтъ сияетъ;
Рекъ — и облекшись лютотой,
Вертепъ видъ райскій принимаетъ,
И амьстѣмъ движетъ простотой.

Пусть кисть отважна и гудесна
Покажетъ тертеемъ однимъ:
Какъ миръ и истина небесна
Срѣтася лобзается надъ нимъ;
Какъ идутъ за его стопою
Премудрость, милость съ правотою;
И подъ оплеческой рукою
Вдовица обѣда съ сиротою,
Невинность завистью гонима,
Находясь для себя покровъ;
А хитрость страстную водила
Отъ глазъ его свой прятетъ ковъ.
Какъ коконошъ подъ крыль збирая,
Птенцевъ своихъ всегда хранитъ:

Такъ вы должны перебирать
Его дѣла, что міръ весь тѣшитъ,
Представить подъ его Егидомъ
Сонмъ юныхъ тады зранныхъ имъ;
Егобы они пѣлись видомъ,
А онъ бы свѣтомъ ихъ своимъ
Живилъ, какъ ясный фребъ лунами:
Дивился бы ему народъ;
А онъ, Отецъ какъ меръ сынами,
Ни вѣкъхъ потоки бы имъ широтъ.
Чтобы были въ немъ совершенства,
Скажутъ музы наконецъ:
Для неветерного блаженства
Вамъ далъ его міровъ Творецъ;
Давъ сей мунъ бохранимый,
Вторый по кротости Давидъ,
По твердости былъ Церкви цѣнтъ,
По отъртъ — Петръ неутомимый,
Какъ въ нѣдръ воднамъ звѣздный сонмъ,
Чтобы въ краснѣ вмѣстились въ Немъ.

Стократъ бралъ лиру я напрасно.
Мой духъ его воспѣны горѣлъ;
Но лиры гласъ дрожалъ, слабѣлъ —
Иль дайте мнѣ вашъ огонь и духъ,
Или его востойте сами;
Бессмертными его дѣлами
Возхитите вѣкъхъ сердца и слухъ!
Такъ восклицалъ пѣстѣ къ намъ тонкій,
Умный оросивъ взоръ на насъ
Мы тогда гасъ согласили струны,
И пѣснями возрѣмъ Парнассъ...
Но что за худо? Мы краснѣемъ,
О Богъ Парнасса, Богъ наукъ!
И мы не можемъ, не умѣемъ
Изобразить его дѣлъ звукъ.
Какъ въ громъ саловинки перлам,
Иль при порогахъ Никфѣ гласъ:
Такъ гласъ Парнасска свирѣли
Во гласъ дѣлъ его погасъ.
Умалки музы — фребъ со трона

Воставши съ всемогущею рекъ:

Кто сей соперникъ Апполона?

Кто сей безсмертный теловѣкъ,

Койъ ваши мѣры заступаетъ,

Боговъ искусство превъзноситъ?

Муз. О Фебъ! Тебѣ извѣстенъ Онъ
Россійскій Іерархъ — ПЛАТОНЪ!

Аппол. ПЛАТОНЪ? и вы взялись за мѣру?

И дерскій юный вашъ Поэтъ?

Рожденный въ удивленъ мѣру

Какъ можетъ вами быть воспынѣть?

Нѣтъ красокъ на земли, небеснаго представитъ;

Бессмертныхъ смертныхъ уста не могутъ славить!

Довольно всемъ Ему дивиться и молчать,

И благодарностью щедротамъ отвѣщать.

соч. Студ. Боголюбви Козма Преображенскій.

gratias agimus tibi, ois gratias is omni
ui tui pater.

